

ГЛАВА 1. ИСТОЧНИКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ВОЙН БУДУЩЕГО

«Расовая принадлежность, традиции, торговля и множество других факторов, увенчанное стремлением к политической власти и захвату новых территорий, всегда будут причиной для вражды. Хорошо это или плохо, войны ведутся между людьми».

Генерал-майор Леонард Вуд. «Наша военная история: факты и ошибки» (1916)

Американские политологи и военные специалисты едины в своих утверждениях, что войны и вооруженные конфликты будут неизбежны в будущем. Однако они расходятся в оценке источников угроз национальной безопасности США. Каковы корни и причины возникновения войн и вооруженных конфликтов в будущем?

В американской политологии и конфликтологии существует огромное разнообразие «школ» и течений, авторы которых настаивают на доминирующем значении тех или иных источников войн и конфликтов будущего.

Ряд специалистов отстаивает точку зрения, что основными источниками войн будущего будут столкновения из-за доступа к естественным стратегическим ресурсам. Борьба за нефть лежит, по мнению некоторых авторов, во всех войнах и конфликтах XX века и будет составлять сердцевину конфликтов будущего.

Другие специалисты разделяют взгляды на неизбежность столкновения цивилизаций – противоречия между цивилизациями настолько фундаментальны и противоположны, что их схватка может иметь трагические глобальные последствия. Многие авторы считают началом эры столкновения цивилизаций террористические акты 11 сентября 2001 года против США: это трактуется как столкновение исламской и западной цивилизации. Другие ведут отсчет новой эры столкновения цивилизаций с израильско-палестинского конфликта.

Борьба за ресурсы

Многие американские авторы считают главным источником войн будущего ограниченность природных ресурсов и «обделенность» некоторых стран «третьего мира» в этом отношении. Военные специалисты прогнозируют конфликты за обладание плодородными землями, нефтяными залежами, рыбными ресурсами, лесами, чистой водой.

К 2015 году население Земли должно составить 7,2 млрд. человек, а к середине XXI века, по прогнозам американских ученых, оно должно достичь 9 млрд. человек. И хотя, по мнению оптимистов, человечество справится с проблемами перенаселения, не все ученые с этим согласны. Национальная

академия наук США прогнозирует 95% прироста населения в бедных регионах мира – прежде всего в Африке, Латинской Америке, Азии¹.

Прирост населения Земли будет сопровождаться дальнейшей урбанизацией. К 2015 году более половины человечества будут проживать в городах. В мега-городах (население более 10 млн. человек), по американским прогнозам, будет проживать около 400 млн. человек.

Рост численности населения и его специфические особенности (изменение демографической структуры обществ) несут с собой огромное количество трудностей и проблем социально-экономического и политического характера.

Правительства стран «третьего мира» по многим причинам уже сегодня не могут функционировать эффективно, а в будущем их способность действовать еще более проблематична.

В наставлении армии США FM 3 «Операции в городе» констатируется, что правительства многих развивающихся стран сегодня не могут самостоятельно решить проблему питания своего населения. Так, Индонезия и Алжир еще два поколения назад вывозили производимые в них продукты питания, а теперь две трети продовольствия для своих внутренних нужд они вынуждены импортировать из-за рубежа. Каждый год правительства этих стран сталкиваются с обостряющейся проблемой нехватки финансовых средств для закупки продовольствия.

Эта тенденция стала типичной для многих стран третьего мира. По прогнозам, к 2010 году по крайней мере 65 государств мира будут полностью зависеть от импорта продовольствия. Причем, из этого количества стран 30 будут государствами Африки (всего на Африканском континенте насчитывается 51 африканского государство). Не случайно уже сегодня некоторые бедные страны стоят у грани гуманитарной катастрофы – массового голода².

В 1991 году профессор Томас Хомер-Диксон из Университета Торонто опубликовал статью «На пороге: изменения окружающей среды как причина острого конфликта»³. По его мнению, «будущие войны и гражданские беспорядки чаще всего будут возникать от ограниченности доступа к таким ресурсам, как вода, пахотные земли, леса и рыба».

Проблема чистой воды будет особенно остро стоять для стран таких регионов, как Ближний Восток, Северная Африка, Южная Азия, Северный Китай. Уже сейчас 400 млн. людей на планете живет в регионах с серьезной нехваткой воды. Пресная вода составляет лишь 3% от общего количества водных ресурсов, доля легко доступной пресной воды составляет лишь 2%⁴.

---

¹ Global Trends 2015: A Dialogue About the Future With Nongovernmental Experts. National Intelligence Council, December 2000.

² Chapter 3. Urban Threat// FM 3-06 (FM 90-10) Urban Operations. June 2003.

³ T.F. Homer-Dixon. On the Threshold: Environmental Changes as Causes of Acute Conflict// International Security, Fall 1991.

⁴ www.washprofile.org/SUBJECTS-2/2015.html

Своей остроты столкновения и конфликты из-за водных ресурсов могут достичь к 2015 году⁵. Именно к этому времени, по американским оценкам, около половины населения Земли – более 3 млрд. человек – будут жить в странах, подверженных «водным стрессам» (в них приходится менее 1700 кубических метров воды на человека в год). В развивающихся странах, опирающихся в своем развитии на сельское хозяйство, более 80 % воды идет на нужды ирригации, что неизбежно создаст для них огромные трудности в будущем. Для производства одной тонны зерна необходимо затратить тысячу тонн воды.

Нельзя сбрасывать со счетов и то, что с каждым годом проблема чистой воды обострится все сильнее в результате загрязнения и отравления водных ресурсов человеком. Эта проблема, естественно, больше всего бьет развивающиеся страны мира. Так, в Бангкоке ежедневно в реки сбрасывается 10 тысяч тонн канализационных вод, что приводит к регулярным и тяжелым вспышкам эпидемических заболеваний от дизентерии до чумы.

По мере оскудения водных ресурсов, вероятность конфликтов из-за воды будет возрастать. Сегодня 24 страны страдают от недостатка водных ресурсов, в следующие два десятилетия к ним присоединятся еще 24 страны мира. В настоящее время более 30 государств получают свыше трети потребляемой ими воды от своих соседей, т.е. вне своих пределов. Так, Турция сооружает новые дамбы на реках Тигр и Евфрат, что может повлечь сокращение потоков воды в Сирию и Ирак – две страны, население которых бурно растет.

Опасность будущих столкновений между государствами из-за воды и других природных ресурсов отражена в специальном уставе вооруженных сил США FM 3-100.4 «Фактор окружающей среды в военных операциях»⁶. В частности, в нем анализируется ситуация с обеспеченностью водой в регионе Ближнего Востока. Рост численности населения на Западном берегу реки Иордан обострил проблему чистой воды. Оскудение почвенных вод привело к тому, что водоносные горизонты стали заполняться соленой средиземноморской водой. В связи с тем, что 40% подземных вод Израиля сосредоточены на оккупированных территориях, Израиль стремился обезопасить водоснабжение путем ограничения потребления воды во время оккупации Западного берега.

Т. Хомер-Диксон отмечает, что в будущем проблемы окружающей среды не только будут инициировать войны и потоки беженцев, но и станут причиной возникновения так называемых «жестких режимов». К числу последних он относит Индонезию, Бразилию, Нигерию. Испытывая недостаток природных ресурсов, эти страны могут оказаться в критической ситуации, выход из которой правительства этих стран увидят только в войне. Такая ситуация типична для многих африканских и азиатских государств, уже сегодня страдающих от ущербности окружающей среды.

---

⁵ Global Trends 2015: A Dialogue About the Future With Nongovernmental Experts. National Intelligence Council, December 2000.

⁶ FM 3-100.4. Environmental Considerations in Military Operations.

Результатом деградации окружающей среды для народов стран «третьего мира», по мнению Хомера-Диксона, является один из трех возможных исходов: тоталитаризм (как это имело место в Ираке при Саддаме Хусейне), профашистское мини-государство (автор называет в качестве примера судьбу бывшей Югославии) или бандитский вариант (как в Сомали).

«Деградация окружающей среды, - пишет Хомер-Диксон, - в наибольшей степени проявляется там, где плотность населения большая. Населения больше всего в тех районах, где самые лучшие земли. Таким образом, мы способствуем деградации самых лучших земель».

Деградация земель стала устойчивой тенденцией во многих странах третьего мира. Некогда плодородные почвы становятся подверженными эрозии, выпадают из общей площади пахотных и обрабатываемых земель, негативно влияют на развитие сельского хозяйства, обеспеченность населения продуктами питания и развитие промышленности. В качестве примера можно привести данные по объему деградировавших земель, которые в Китае составляют 30%, Индонезии – 24%, Таиланде и Вьетнаме – 34%, на Филиппинах – 17%.

Наиболее ярким примером деградации окружающей среды является Китай. Несмотря на экономический бум, Китай стоит перед лицом огромных проблем, связанных с перенаселением прибрежной полосы земель и продолжающимися наплывами многомиллионных масс населения из внутренних районов к побережью. Бурные миграционные и демографические процессы сопровождаются ростом преступности, ослаблением центральной власти, неравномерностью развития различных регионов страны. Проблемы окружающей среды становятся одними из главных в перенаселенных районах Китая, страдающих от оскудения почв и загрязнения среды обитания человека. В частности, за период 1988-1993 гг. количество раковых заболеваний легких возросло среди некурящих жителей китайских городов на 18,5%.

Аналогичные проблемы стоят сегодня и перед многими другими государствами «третьего мира» в Африке, Азии и Латинской Америке.

В борьбе за ресурсы в настоящее время активными «игроками» являются уже не только нации-государства, но и негосударственные организации. Последнюю категорию составляют, прежде всего, преступные организации, занятые в «большом бизнесе» - наркоторговле, торговле оружием, террористической деятельности. И хотя государства по-прежнему в ближайшем будущем будут главными «игроками» на мировой арене, правительство будет все более и более терять контроль над информацией, развитием технологии, распространением болезней, миграционными процессами и финансовыми потоками в мире.

По данным Национального разведывательного совета США, ежегодно от незаконного «бизнеса» криминальный мир получает: от торговли наркотиками – 100-300 млрд. долларов; от складирования токсических и других опасных отходов – 10-12 млрд. долларов; от автомобильного воровства в США и Европе – 9 млрд. долларов; от контрабанды людьми – 7

млрд. долларов; от пиратства в отношении интеллектуальной собственности – 1 млрд. долларов. В целом, криминальный бизнес оценивается в 500 млрд. долларов, что составляет 1 % мирового ВВП⁷.

Вместе с тем, по мнению некоторых независимых американских ученых, положение с мировыми ресурсами не такое уж катастрофическое. Так, несмотря на 50-процентный рост мировой потребности в энергетических ресурсах, последние оценки говорят о том, что 80 % мировых запасов нефти и 95 % газа еще скрыты под землей.

Столкновение цивилизаций: читая Сэмюэла Хантингтона...

Западная школа конфликтологии с конца XX века активно разрабатывает концепцию столкновения цивилизаций, объясняющую причины противоречий и конфликтов между странами, нациями, регионами глубинными явлениями и процессами культурно-цивилизационного плана.

Одним из главных теоретиков этой школы в США считается профессор Сэмюэл Хантингтон, опубликовавший в 1993 году в авторитетном журнале «Foreign Affairs» свою программную статью «Столкновение цивилизаций?»⁸. В 1996 году автор опубликовал расширенный и переработанный вариант статьи в форме отдельной книги «Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка»⁹.

По мнению С. Хантингтона, с окончанием холодной войны деление мира на так называемые «первый», «второй» и «третий» миры полностью утратило свой смысл. Политические, идеологические и военные разделительные линии в современном мире стали не столь существенными, а им на смену пришли новые линии раздела. Что представляют собой эти линии?

Американский ученый категоричен в своих взглядах: «Я полагаю, что в нарождающемся мире основным источником конфликтов будет уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. Нация-государство останется главным действующим лицом в международных делах, но наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям. Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями - это и есть линии будущих фронтов».

Понятие цивилизации – не новое в обществоведении и философии. Однако единой точки зрения на него нет: разные авторы подходят к этому понятию со своих позиций.

---

⁷ Global Trends 2015: A Dialogue About the Future With Nongovernmental Experts. National Intelligence Council, December 2000.

⁸ Samuel P. Huntington. The Clash of Civilizations?// Foreign Affairs. Summer 1993.

⁹ Huntington, S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World order. 1996. Книга переведена и издана в России: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. АСТ: М., 2003.

«Мы можем определить цивилизацию, - пишет С. Хантингтон, - как культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий уровень культурной идентичности людей... Цивилизации определяются наличием общих черт объективного порядка, таких как язык, история, религия, обычаи, институты, - а также субъективной самоидентификацией людей».

«Субъективная самоидентификация людей» – это тот самый фактор, который в принципе невозможно объяснить логически, невозможно оценить или измерить. Но именно этот фактор является решающим. Быть гражданином какого-либо государства, например США, еще не означает идентифицировать себя с олицетворяемой этим государством цивилизацией, в данном случае Западной. Цивилизации могут быть различными по размеру, соотноситься с национальными и государственными границами или произвольно проникать сквозь них, смешиваться или накладываться, создавая субцивилизации.

«Несмотря на все это, - пишет С. Хантингтон, - цивилизации представляют собой определенные целостности. Границы между ними редко бывают четкими, но они реальны. Цивилизации динамичны: у них бывает подъем и упадок, они распадаются и сливаются. И, как известно каждому студенту-историку, цивилизации исчезают, их затягивают пески времени».

В настоящее время, по мнению американского ученого, в мире существуют семь-восемь крупных цивилизаций, западная, конфуцианская, японская, исламская, индуистская, православно-славянская, латиноамериканская и, возможно, африканская цивилизации. Именно эти цивилизации, а точнее так называемые «линии разлома» между ними станут театром будущих глобальных столкновений. Эти столкновения, как подчеркивает в своей работе С. Хантингтон, не просто возможны, они неизбежны. Объясняя свою точку зрения, он выделяет несколько глубинных причин конфликтогенности.

«Различия между цивилизациями не просто реальны, они наиболее существенны». Различная история, культура, языки, религиозные верования, традиции, нравы и обычаи – все это делает непохожими представителей разных цивилизаций друг на друга. Однако это еще не все. Представители разных цивилизаций по-разному смотрят на некоторые фундаментально-философские понятия и явления: отношения между Богом и человеком, индивидуумом, семьей и группой, гражданином и государством; соотношение между правами и обязанностями, свободой и принуждением, равенством и иерархией. Как пишет автор, эти отношения складывались столетиями и «не исчезнут в обозримом будущем», они «более фундаментальны, чем различия между политическими идеологиями и политическими режимами».

«Мир становится более тесным». Эпохи глобализации усиливает взаимодействие между цивилизациями, однако одновременно ведет к росту «цивилизационного самосознания». Как считает С. Хантингтон, «Взаимодействие между представителями разных цивилизаций укрепляет их цивилизационное самосознание, а это, в свою очередь, обостряет уходящие в

глубь истории или, по крайней мере, воспринимаемые таким образом разногласия и враждебность».

«Ослабеваает роль нации-государства». Это происходит на фоне соответствующего «размывания традиционной идентификации людей с местом жительства» и усилением роли религии как фактора идентификации людей. Во всех религиях мира, и не только в исламе, возникают фундаменталистские движения, социально-культурной опорой которых выступают образованные молодые люди, высококвалифицированные специалисты – представители среднего класса.

«Раздвоение роли Запада». С. Хантингтон в своем анализе пишет: «На вершине своего могущества Запад сталкивается с незападными странами, у которых достаточно стремления, воли и ресурсов, чтобы придать миру западный облик». Политические элиты разных стран мира в прошлом, так или иначе, ассоциировали себя с Западом: они получали там образование, усваивали ценности Запада, выполняли роль проводников политики Запада. Однако теперь наблюдается процесс «девестернизации» национальных политических элит, которые возвращаются к своим национальным культурным корням. Одновременно с этим, американские обычаи, стиль жизни и культура становятся все более распространенными среди широких слоев населения.

«Культурные особенности и различия менее подвержены изменениям, чем экономические и политические». Развивая свою мысль С. Хантингтон утверждает: «В классовых и идеологических конфликтах ключевым был вопрос: "На чьей ты стороне?" И человек мог выбирать - на чьей он стороне, а также менять раз избранные позиции. В конфликте же цивилизаций вопрос ставится иначе: "Кто ты такой?" Речь идет о том, что дано и не подлежит изменениям. И, как мы знаем из опыта Боснии, Кавказа, Судана, дав неподходящий ответ на этот вопрос, можно немедленно получить пулю в лоб. Религия разделяет людей еще более резко, чем этническая принадлежность».

По мнению С. Хантингтона, различия в культуре и религии порождают разногласия по широкому кругу политических вопросов. В частности, такие важные для культуры Запада понятия и ценности как демократия и либерализм – встречают модное недовольство и сопротивление со стороны других цивилизаций. Правительствам и политическим группировкам все реже удается мобилизовать население и сформировать коалиции на базе идеологий, и они все чаще пытаются добиться поддержки, апеллируя к общности религии и цивилизации.

В эпоху холодной войны, как утверждает С. Хантингтон, «основные очаги кризисов и кровопролития сосредоточивались вдоль политических и идеологических границ». С окончанием холодной войны они «перемещаются на линии разлома между цивилизациями».

В качестве примера такого раздела американский ученый берет судьбу Европы: «Как только был ликвидирован идеологический раздел Европы, вновь возродился ее культурный раздел на западное христианство, с одной

стороны, и православие и ислам - с другой. Возможно, что наиболее важной разделительной линией в Европе является ... восточная граница западного христианства, сложившаяся к 1500 году. Она пролегает вдоль нынешних границ между Россией и Финляндией, между прибалтийскими странами и Россией, пересекает Белоруссию и Украину, сворачивает западнее, отделяя Трансильванию от остальной части Румынии, а затем, проходя по Югославии, почти в точности совпадает с линией, отделяющей ныне Хорватию и Словению от остальной Югославии. На Балканах эта линия, конечно же, совпадает с исторической границей между Габсбургской и Османской империями. Севернее и западнее этой линии проживают протестанты и католики ... Восточнее и южнее этой линии живут православные христиане и мусульмане. Исторически они относились к Османской либо царской империи, и до них донеслось лишь эхо исторических событий, определивших судьбу Запада. Экономически они отстают от Запада, и, похоже, менее подготовлены к созданию устойчивых демократических политических систем. И сейчас "бархатный занавес" культуры сменил "железный занавес" идеологии в качестве главной демаркационной линии в Европе».

В своем анализе С. Хантингтон сосредоточивается на исторических корнях и ходе конфликта между западной и исламской цивилизациями, кровавый конфликт между которыми тянется уже 13 веков. В программной статье Б. Льюиса «Корни мусульманской ярости», опубликованной в начале 90-х годов XX века, утверждается: «Перед нами настроение и движение совершенно иного уровня, неподвластные контролю политики и правительств, которые хотят их использовать. Это, другими словами, - конфликт цивилизаций; возможно, - иррациональная, но исторически обусловленная реакция нашего древнего соперника против нашей иудео-христианской традиции, нашего мирского настоящего и глобальной экспансии того и другого»¹⁰.

Расклад сил изменился после второй мировой войны, когда «настал черед отступить Западу». Заявили о себе сначала арабский национализм, а затем и исламский фундаментализм. Запад попал в тяжкую зависимость от стран Персидского залива, снабжавших его энергоносителями.

Состояние войны между Западом и арабскими странами, по мнению С. Хантингтона, достигло апогея в 1990 года, когда США направили в Персидский залив многочисленную армию - защищать одни арабские страны - от агрессии других. Обеспечивая свои интересы в богатом нефтью регионе Персидского залива, Вашингтон в 1990-1991 гг. не смог адекватно оценить и учесть огромные различия двух миров, двух цивилизационных систем. Придя к такому выводу, Сэмюэл Хантингтон пришел к выводу: «Война в Персидском заливе заставила многих арабов почувствовать гордость - Саддам Хусейн напал на Израиль и оказал сопротивление Западу. Но она же породила и чувства унижения и обиды, вызванные военным присутствием

---

¹⁰ Lewis, B. The Roots of Muslim Rage// Time. 1992. June, 15. P. 24-28.

Запада в Персидском заливе, его силовым превосходством и своей очевидной неспособностью определять собственную судьбу».

Серьезное внимание уделяет американский ученый и северным рубежам распространения ислама, где разворачивается конфликт между православным населением и мусульманами. С. Хантингтон упоминает резню в Боснии и Сараево, борьбу между сербами и албанцами, натянутые отношения между болгарами и турецким меньшинством в Болгарии, кровопролитные столкновения между осетинами и ингушами, армянами и азербайджанцами, конфликты между русскими и мусульманами в Средней Азии.

«Религия – пишет он, - подогревает возрождающуюся этническую самоидентификацию, и все это усиливает опасения русских насчет безопасности их южных границ». В подтверждение своего тезиса С. Хантингтон приводит слова одного из американских исследователей А. Рузвельта: «Значительная часть истории России заполнена приграничной борьбой между славянами и тюрками. Эта борьба началась со времен основания российского государства более тысячи лет назад. В тысячелетней борьбе славян с их восточными соседями — ключ к пониманию не только российской истории, но и российского характера. Чтобы понять нынешние российские реалии, нужно не забывать о тюркской этнической группе, поглотившей внимание русских на протяжении многих столетий»¹¹.

В целом, на всем евразийском континенте, включая даже Китай, «исторически сложившиеся границы между цивилизациями вновь полыхают в огне конфликтов». Особого накала эти конфликты достигают по границам исламского мира, полумесяцем раскинувшегося на пространстве между Северной Африкой и Средней Азией. С. Хантингтон делает вывод: «Границы исламского мира везде и всюду залиты кровью».

В новых условиях, сложившихся в отношениях между конфликтующими между собой цивилизациями, проявляется так называемый «синдром братских стран», когда группы или страны, принадлежащие к одной цивилизации, воюя с представителями другой цивилизации, пытаются заручиться поддержкой своей цивилизации. Политические, идеологические и иные разногласия между странами одной цивилизации могут уступать место идее общей борьбы против страны иной - враждебной цивилизации. Этот синдром приобретает все более устойчивый характер. В первой войне в Персидском заливе в 1990-1991 гг. одна арабская страна вторглась в другую, а затем вступила в борьбу с коалицией арабских, западных и иных стран. Хотя открыто на сторону Саддама Хусейна встали лишь немногие мусульманские правительства, но неофициально его поддержали правящие элиты многих арабских стран, и он получил огромную популярность среди широких слоев арабского населения.

Подогревая арабский национализм, Саддам Хусейн неприкрыто апеллировал к исламу. Он и его сторонники старались представить эту войну

---

¹¹ Roosevelt, A. For Lust of Knowing. Boston, 1988. P. 332-333.

как войну между цивилизациями. «Это не мир воюет против Ирака, - говорилось в получившей широкую известность речи Сафара Аль Хавали, декана факультета исламистики университета Ум Аль Кура в Мекке, - это Запад воюет против ислама». Переступив через соперничество между Ираном и Ираком, религиозный лидер Ирана аятолла Али Хомейни призвал к священной войне против Запада: «Борьба против американской агрессии, алчности, планов и политики будет считаться джихадом, и каждый, кто погибнет на этой войне, будет причислен к мученикам».

Синдром «братских стран» проявляется также в конфликтах на территории бывшего Советского Союза. В качестве примера С. Хантингтон вспоминает военные успехи армян в 1992-1993 годах, которые подтолкнули Турцию к усиленной поддержке родственного ей в религиозном, этническом и языковом отношении Азербайджана.

С другой стороны, как отмечает американский ученый, конфликты возможны и неизбежны не только между цивилизациями, но и внутри них, между странами одной цивилизации или даже внутри одной страны. Но они, как правило, не столь интенсивны и всеобъемлющи, как конфликты между цивилизациями. Принадлежность к одной цивилизации снижает вероятность насилия в тех случаях, когда, не будь этого обстоятельства, до него бы непременно дошло дело.

Автор приводит подтверждение своему утверждению, рассматривая противоречия в отношениях между Россией и Украиной в 1991-1992 гг. Их принадлежность к одной цивилизации устранила возможность вооруженного конфликта.

В отличие от этого ситуация на Кавказе выглядит как столкновение между русскими-православными и мусульманами. Конфликт на линии разлома цивилизаций очень ожесточенный и кровопролитный. В связи с этим С. Хантингтон делает один из наиболее существенных своих выводов: «В ближайшем будущем наибольшую угрозу перерастания в крупномасштабные войны будут нести в себе те локальные конфликты, которые, подобно конфликтам в Боснии и на Кавказе, завязались вдоль линий разлома между цивилизациями. Следующая мировая война, если она разразится, будет войной между цивилизациями».

Отстаивая объективную неизбежность будущего столкновения цивилизаций, Сэмюэл Хантингтон приходит к выводу о том, что оно будет проходить по формуле «The West vs. The Rest» - «Запад против всех». Причин тому множество. Запад после окончания холодной войны и устранения СССР как своего главного военно-политического противника находится «на вершине своего могущества». Военная и экономическая мощь Запада, равно как и возможность воздействовать на мировые политические процессы, сейчас неоспоримы. Запад представляет собой своеобразную «замкнутую касту» ведущих западноевропейских государств, США и Канады, взявших на себя ответственность решать судьбы мира. Международные организации и форумы, подобные ООН, превращены в механизм обеспечения интересов Запада, что облекается в эвфемизм

«мировое сообщество». При посредстве МВФ и других международных экономических организаций Запад реализует свои экономические интересы и навязывает другим странам экономическую политику по собственному усмотрению.

Именно в таком ключе видят Запад все остальные цивилизации и страны мира, и в этом, как считает американский ученый, «есть значительная доля истины». В этом и состоит один из главных источников конфликта между Западом и другими цивилизациями.

Другой источник конфликта – различия в культуре, базовых ценностях и убеждениях. По мнению многих исследователей, базовые западные ценности хотя и нашли свое место во многих культурах мира, однако не проникли вглубь. Американская поп-культура или политическая культура лишь формально коснулись других стран. Но на глубинном уровне западные представления и идеи фундаментально отличаются от тех, которые присущи другим цивилизациям.

В частности, сгусток противоречий между США и КНР, по словам автора, не имеют «надежд на смягчение». А бывший китайский лидер Дэн Сяопин, комментируя состояние американо-китайских отношений, в 1991 году заявил: «Новая холодная война между Китаем и Америкой продолжается».

Высказывание Дэн Сяопина можно отнести и ко все более осложняющимся отношениям между Японией и США. Культурные различия усиливают экономический конфликт между этими странами. Каждая сторона обвиняет другую в расизме, но, по крайней мере со стороны США, отторжение носит не расовый, а культурный характер. «Трудно вообразить себе два общества, - утверждает С. Хантингтон, - более далекие друг от друга по фундаментальным ценностям, установкам и стилю поведения»

По утверждению американского ученого, в исламской, конфуцианской, японской, индуистской, буддистской и православной культурах почти не находят отклика такие западные идеи, как индивидуализм, либерализм, конституционализм, права человека, равенство, свобода, верховенство закона, демократия, свободный рынок, отделение церкви от государства.

Запад не понимает, по крайней мере не хочет признавать эту реальность, пытаясь «построить» все остальные страны и цивилизации по своим представлениям. В политической сфере эти различия наиболее отчетливо обнаруживаются в попытках Соединенных Штатов и других стран Запада навязать народам других стран западные идеи демократии и прав человека. С. Хантингтон утверждает: «Современная демократическая форма правления исторически сложилась на Западе. Если она и утвердилась кое-где в незападных странах, то лишь как следствие западного колониализма или нажима».

В результате такого непонимания, а то и прямого противостояния Запада и всего остального мира, «центральной осью мировой политики в будущем станет конфликт между «Западом и остальным миром». По оценкам Сэмюэла

Хантингтона, ответ со стороны незападных государств может принять одну из возможных трех форм:

Крайний вариант – курс на самоизоляцию (северокорейский вариант), то есть полный и добровольный «уход» из «цивилизованного мира» в попытке оградиться от западного проникновения и разложения.

Примкнуть к Западу и принять его ценности и институты.

Попытаться создать противовес Западу, развивая сотрудничество с другими незападными государствами против Запада, то есть модернизироваться, но не вестернизироваться.

Подытоживая свое исследование, Сэмюэл Хантингтон, сформулировал «Выводы для Запада», в которых он, в частности, утверждает:

В будущей игре на международной арене незападные страны будут выступать не как пассивные объекты, а как активные действующие лица.

Конфликты между цивилизациями будут более длительными, кровопролитными и серьезными, чем конфликты внутри цивилизаций.

Вооруженные конфликты между группами, принадлежащими к разным цивилизациям, станут наиболее вероятными и опасными источниками напряженности и потенциальными источниками мировых войн.

Главными осями международной политики станут отношения между Западом и всем остальным миром, причем в будущем основным очагом конфликтов будут взаимоотношения между Западом и рядом стран исламско-конфуцианского блока.

Для сохранения своего положения и выживания в мире новых реальностей, как считает С. Хантингтон, Западу нужно предпринять целый ряд политических и иных шагов.

В краткосрочном плане:

Укрепить сотрудничество и единство в рамках собственной цивилизации, прежде всего между Европой и Северной Америкой.

Интегрировать в состав Запада страны Восточной Европы и Латинской Америки, чья культура близка к западной.

Поддерживать и расширять сотрудничество с Россией и Японией.

Предотвращать разрастание локальных межцивилизационных конфликтов в полномасштабные войны между цивилизациями.

Ограничивать рост военной мощи конфуцианских и исламских стран.

Замедлять сокращение военной мощи Запада и сохранять его военное превосходство в Восточной и Юго-Западной Азии.

Использовать конфликты и разногласия между конфуцианскими и исламскими странами.

Поддерживать представителей других цивилизаций, симпатизирующих западным ценностям и интересам.

Укреплять международные институты, отражающие и легитимизирующие западные интересы и ценности

В долгосрочной перспективе для США и Запада в целом необходимо ориентироваться, как считает С. Хантингтон на другие критерии: «Незападные цивилизации и впредь не оставят своих попыток обрести

богатство, технологию, квалификацию, оборудование, вооружение - все то, что входит в понятие «быть современным». Но в то же время они постараются сочетать модернизацию со своими традиционными ценностями и культурой. Их экономическая и военная мощь будет возрастать, отставание от Запада сокращаться. Западу все больше и больше придется считаться с этими цивилизациями, близкими по своей мощи, но весьма отличными по своим ценностям и интересам. Это потребует поддержания его потенциала на уровне, который будет обеспечивать защиту интересов Запада в отношениях с другими цивилизациями. Но от Запада потребуется и более глубокое понимание фундаментальных религиозных и философских основ этих цивилизаций. Он должен будет понять, как люди этих цивилизаций представляют себе собственные интересы. Необходимо будет найти элементы сходства между западной и другими цивилизациями. Ибо в обозримом будущем не сложится единой универсальной цивилизации. Напротив, мир будет состоять из непохожих друг на друга цивилизаций, и каждой из них придется учиться сосуществовать со всеми остальными».

Культурно-исторический подход

Значительное число западных авторов и специалистов, во многом солидаризируясь с концепцией столкновения цивилизаций, подходят к оценке источников войн и конфликтов будущего с позиций исторического прошлого. Корни нынешних войн и конфликтов, равно как и будущих столкновений, по их мнению, лежат в событиях далекого или недавнего прошлого.

Талантливый, безусловно широко эрудированный американский военный эксперт Ральф Питерс в одном из выступлений на научном семинаре в 2000 году сформулировал свою точку зрения достаточно четко: войны и конфликты в сегодняшнем мире в разных уголках земного шара являются прямым следствием 500-летнего европейского колониализма.

В отличие от «академического» представления о том, что пост-колониальная эра соотносится с крахом колониальной системы после второй мировой войны, Р. Питерс считает, что «пост-колониальная эра только началась». По его мнению, тяжкое наследие 500-летнего колониального прошлого невозможно изжить ни за 30, ни за 50 лет. Унижения, преступления, пренебрежение, несправедливости, которым подвергались народы бывших европейских колоний, остались кровоточащими ранами в сознании этих народов.

В практическом смысле, наследием колониального прошлого стали «плохие границы». Под этим понятием Р. Питерс подразумевает традиционную практику колониального прошлого проводить границы колоний абсолютно произвольно, без какого-либо учета демографической ситуации, национально-культурных особенностей, специфики географического ландшафта и других факторов. В Африке, например, границы между колониями, которые впоследствии стали государственными

границами независимых государств, были установлены на двух конференциях в Берлине в 80-х годах XIX века, а их начертание проводилось теми, кто никогда в своей жизни не бывал на Африканском континенте.

Результат такой практики сегодня хорошо известен: в рамках одного государства проживают разные народы, которые не испытывают элементарного чувства симпатии друг к другу, и, наоборот, единые народы разделены между двумя или несколькими самостоятельными государствами. Эта ситуация характерна не только для Африки, но и для всех других регионов мира, в том числе бывшего Советского Союза, прежде всего на Кавказе, бывшей Югославии, Ближнего и Среднего Востока, даже Латинской Америки.

Везде в этих пострадавших в прошлом «человеческих экосистемах» наблюдается тенденция поиска нового баланса сил. Как пишет Питерс, «к сожалению, большинство человеческих существ не готовы сесть и достичь компромисса». Более того, во многих национальных культурах понятие компромисса просто недопустимо. Пойти на компромисс означает в этих культурах проявление слабости.

Отношение к человеческой жизни – тоже одно из важнейших отличий разных национальных культур. «Мы, - пишет американский автор о западной культурной традиции священности человеческой жизни, - являемся, в определенной степени, пленниками иудейско-христианской этики». С этой позиции нельзя подходить к оценке ситуации в таких регионах, как Косово или Руанда.

Ненависть пронизывает отношения между людьми и признается в качестве мощного эмоционального чувства всеми религиями. Это чувство может охватывать не только отдельных индивидов, но и целые народы. Справиться с этим чувством рациональными средствами иногда просто невозможно. Даже время не всегда лечит раны сознания: колониальное прошлое еще долго будет оказывать давление на взаимоотношения между государствами.

Западные принципы демократии являются абсолютно неприемлемыми для многих культур мира. «Я люблю демократию, - замечает Ральф Питерс. – Я люблю рыночную экономику. Но они приходят не сразу. Без торжества закона и уважения к человеческим правам, лучшее, на что можно рассчитывать, - российский бандитский рынок. Вы получите демократию по-африкански, когда более многочисленное племя побеждает на выборах и считает свою победу лицензией на притеснение менее многочисленных племен».

Враг № 1 Западной цивилизации

Одним из наиболее ярких и авторитетных военных экспертов-футурологов в современных США считается Уильям Линд, директор Центра культурного консерватизма Фонда свободного конгресса США. Именно он был среди авторов знаменитой статьи-манифеста, опубликованной в 1989

году, о войне четвертого поколения¹². Уже к тому времени благодаря опубликованным им книгам У. Линд считался одним из признанных авторитетов в области военной реформы.

Теракт 11 сентября 2001 года заставил не только военных специалистов, но и широкие общественные круги США по-новому взглянуть на концептуальные подходы, которые были высказаны Линдом и его соавторами за 12 лет до того трагического дня в мировой истории. В 2002 году У. Линд вместе с директором Фонда свободного конгресса П. Уэйричем издал книгу «Почему ислам является угрозой Америке и миру», а затем выпустил авторское исследование «Война с терроризмом Джорджа У. Буша: ошибочная стратегия и плохая тактика?».

В своих многочисленных статьях, интервью и выступлениях У. Линд анализирует военно-политическую обстановку в мире, военные угрозы и вызовы для США с позиций теории так называемого культурного консерватизма. Исследуя причины войн и конфликтов современной эпохи, он так или иначе обращается к концепции столкновения цивилизаций. У. Линд считается одним из основателей теории культурного консерватизма, которая зиждется на утверждении, что «успех Америки является не результатом нашей политической или экономической системы, а нашей Западной иудейско-христианской культуры»¹³.

Заслугой У. Линда можно считать то, что он стремится соединить теорию цивилизационного подхода с практикой войны четвертого поколения. Благодаря этому, его подходы, в отличие от взглядов многих других авторов, характеризуются большей долей прагматизма, нацеленностью на действие.

В знаменитой статье 1989 года У. Линд со своими единомышленниками предсказывал, что война в XXI веке, после того, как Советский Союз начал разрушаться, уже не будет «монополией государства». Вместо армий и флотов государств, ведущих военные действия друг против друга, войны будут вестись между «негосударственным» силами, борющимися по религиозным, этническим или идеологическим причинам.

В написанной им с П. Уэйричем книге «Почему ислам является угрозой Америке и миру» Линд утверждает, что ислам является смертельной угрозой Западу, ибо по самой своей природе это – «религия войны».

В интервью «Jewish World Review»¹⁴, автор утверждает: «Наш подход состоит в том, что одним из важнейших негосударственных оппонентов, с которым мы сегодня сталкиваемся, является ислам, культура. Одним из многих измерений войны четвертого поколения как раз и является возвращение в мир конфликтующих культур, а не просто государств. Мы привыкли к миру, в котором природа войны определяется на условиях

---

¹² См. подробнее: William S. Lind, Colonel Keith Nightengale (USA), Captain John F. Schmitt (USMC), Colonel Joseph W. Sutton (USA), and Lieutenant Colonel Gary I. Wilson (USMCR) *The Changing Face of War: Into the Fourth Generation*// *Marine Corps Gazette*. October 1989. P. 22-26.

¹³ William Lind: *Can America survive in this "Fourth-generation" world?*// *Jewish World Review*. 2002. June 11.

¹⁴ William Lind: *Can America survive in this "Fourth-generation" world?*// *Jewish World Review*. 2002. June 11.

Западной культуры. Поэтому армии противостоят армиям, флоты – флотам, ВВС – ВВС. Но другие культуры не обязательно воюют таким образом».

Подразумеваемая под «культурой» более широкое понятие, которое в рамках цивилизационного подхода и принято называть «цивилизацией», Линд настойчиво проводит мысль о «предопределенности» исламской враждебности Западу. Даже традиционный способ ведения войн арабами, который У. Линд называет «иррегулярной кавалерийской войной», сродни современному терроризму. Поэтому, делает вывод автор, другие культуры-цивилизации «не собираются вести войну так, как это делаем мы».

Противники США в эпоху войны четвертого поколения вовсе не собираются воевать с американскими вооруженными силами, они предпочитают «обойти их». Как отмечает Линд, «они стараются обойти всю структуру государства и ударить прямо по вашему обществу, вашему населению и вашей собственной культуре».

Объявленная в США война против терроризма, по мнению У. Линда, неэффективна, и прежде всего по причине того, что «мы не знаем как отвечать, потому что мы отвечаем как государство». Военные действия в Афганистане показывают, что уничтожить террористическую сеть Аль-Каеды невозможно. Да и вообще, Аль-Каеда – это всего лишь «одна из мириада негосударственных организаций внутри ислама, которые ведут войну». Две другие организации – Хамас и Хезболла – имеют намного более серьезную организацию и опыт успешных действий против Израиля. Израиль терпит поражение, и терпит поражение от негосударственного оппонента. Придя к такому выводу, У. Линд заключает: «Государство делает только то, что оно знает, как делать, государство неадекватно в борьбе с негосударственным оппонентом».

Уильям Линд в своих взглядах на цивилизационные угрозы современным США категоричен: «В настоящий момент, на мой взгляд, ислам является угрозой № 1, однако это – очень старая возродившаяся угроза, это не новая угроза... Есть нестрогие последователи ислама, но нет такого понятия как мирный или терпимый ислам. И никогда этого не было».

На провокационный вопрос американского издания «Jewish World Review» о том, являются ли все мусульмане одинаково опасными или одинаково стремящимися уничтожить западную культуру, У. Линд последовательно отстаивает свою жесткую позицию. «Ответ на этот вопрос – и да, и нет, – отметил американский исследователь. – Другими словами, не все они одинаково опасны, однако все они стремятся уничтожить западную культуру. Быть исламистом означает, что вы привержены идее сделать весь мир исламским. В этом суть самого ислама, в этом – корни концепции джихада. Исламская теология говорит, исламизация всего мира – это лишь вопрос времени, и каждый мусульманин обязан содействовать этому». По словам У. Линда, и христианство стремится обращать в свою веру как можно больше людей, однако для ислама, в отличие от христианства, война является совершенно легитимным способом достижения этой цели.

Американский эксперт считает, что ислам является фундаменталистским по определению: Коран должен восприниматься буквально. Сравнивая христианское и исламское учение, Линд отмечает: «Христос никогда не говорил: «Эй, друзья, идите и воюйте». А вот Мохаммед говорит это постоянно. Мохаммед сам был военачальником. Поэтому, если вы соедините это с тем фактом, что быть мусульманином означает принимать Коран дословно и воспринимать Мохаммеда в качестве образца для подражания в своей жизни, то что вы имеете? Вы имеете религию войны».

Важным специфическим аспектом ислама в мире, где господствуют войны четвертого поколения, как отмечает У. Линд, является враждебность ислама государству как институту общества. С мусульманской точки зрения, легитимным является не государство, а умма – сообщество верующих. Поэтому ислам – это не просто религия войны, а «религия войны, которая автоматически смотрит за пределы государства». Ислам живет по своим законам шариата, которые непосредственно основаны на идеях Корана, взятых буквально. Там расписано все, как жить и как себя вести, включая наказания за преступления.

Что делать Западу в этих условиях? Отвечая на этот принципиально важный вопрос, У Линд дает несколько рекомендаций.

Во-первых, необходимо признать, что мультикультурализм, как идея равенства ценности всех культур, включая западную, является отравой. Необходимо контролировать иммиграцию и быть уверенными в том, что все иммигранты ассимилируются в традиционной американской культуре. Автор имеет в виду английский язык и всю англосаксонскую культуру в целом, которые призваны «американизировать» любых иммигрантов.

Во-вторых, необходимо поддержание «открытой политической системы», которая, по мнению Линда, не установлена в США. Наличие двух партий, которые выражают в целом и в общем одну и ту же точку зрения, - не является признаком «открытой политической системы». Если один человек, политический деятель или судья, перечеркивает то, что люди высказали на референдуме, то такая политическая система не может претендовать на звание открытой.

В заключение своего интервью Уильям Линд делает вывод: «Именно эти две характеристики современных США – относительно закрытая политическая система и власть, выступающая за мультикультурализм – не предвещают ничего хорошего выживанию Америки в условиях войны четвертого поколения».

Современные культурологические подходы к определению противников США в грядущих столкновениях и войнах во многом навеяны идеями «столкновения цивилизаций» и практикой борьбы с исламской террористической сетью Аль-Каеда. Олицетворением врага для широких кругов американских граждан становится мусульманин.

В этом контексте понятными становятся опасения американского профессора М. Либицки, обеспокоенного угрозой наступательной

информационной войны («хаккер-войны») против США. Они пишет: «Соединенные Штаты более чем какая-либо другая нация зависят от компьютерных технологий. Возможности США по сдерживанию хаккер-атак могут быть значительно ограниченнее, чем то кажется. Около 60% докторских степеней, присуждаемых у нас в стране в области компьютерных технологий и компьютерной безопасности, идут иностранным гражданам, причем две трети из них – представители исламских государств и Индии»¹⁵.

Этнические войны и конфликты

Опасным источником региональных войн и внутрисостоятельных конфликтов издавна выступают межнациональные противоречия и, как их проявление, этнические противоречия и проблемы. Пика своей интенсивности этно-политические конфликты достигли к концу XX века, охватив огромные территории Европы, Азии, Африки, Латинской Америки. Эти конфликты, характеризующиеся высокой степенью жестокости и бескомпромиссности, не признают межгосударственных границ и ведутся «не по правилам».

По некоторым данным, в мире существует 233 больших этнических группы, которые «стали объектом дискриминации или самоорганизуются для политической борьбы». Большинство крупных государств мира имеет, по крайней мере, одну такую этническую группу. В целом, эти этнические группы объединяют около 900 млн. человек¹⁶.

Вооруженные силы США имеют определенный опыт нейтрализации опасности возникновения этно-политических конфликтов, как положительный, так и отрицательный. Понимая, что в будущем придется неоднократно сталкиваться с угрозой этнических войн, американские военные специалисты уделяют их изучению самое серьезное внимание.

«Только упомяните слово «этничность» в разговоре с офицером вооруженных сил и Вы увидите ужас в его глазах», так написала Паулетта Отис в своем глубоком анализе «Этнический конфликт. Что это за тип войны?»¹⁷. Далее она объясняет, что этот термин ассоциируется в сознании военнослужащих с регионами, куда вооруженные силы посылаются «без четкого представления о том, кто их противник, почему они воюют, и что они вообще должны делать».

Автор приводит слова одного из старших офицеров американских вооруженных сил, который прибыл после трех лет пребывания в Боснии: «Мы не знали, чью сторону мы вообще должны занимать... Мы закончили (свою миссию), одинаково ненавидя всех и испытывая вину за это. Там не было хороших парней. Сербы? Кроаты? Боснийцы?»

Американцы привыкли ассоциировать себя с факелом свободы. Американские солдаты привыкли осознавать себя на стороне правды, справедливости, демократии, свободы. Ситуация в Боснии была слишком

¹⁵ Martin Libicki. What is Information Warfare? National Defense University. August 1995. P. 64.

¹⁶ T. Gurr, B. Harff. Ethnic Conflict In World Politics. Boulder, Colo., 1994. P. 5.

¹⁷ Otis, Pauletta. Ethnic Conflict. What Kind of War Is This?

запутанной и неоднозначной, в ней нельзя все красить черной или белой краской. Столкнувшись с балканской реальностью, американские солдаты почувствовали моральный и психологический дискомфорт.

По мнению П. Отис, Пентагон слишком поздно осознал опасность этнических конфликтов. Пока шла холодная война, внутривосточные конфликты в развивающемся мире виделись в Вашингтоне через призму борьбы «дружественных» режимов или «движений за освобождение» против коммунистической тирании.

Только в начале 90-х годов XX века, особенно после развала СССР, когда в мире бушевало уже около 60 внутренних конфликтов, проблеме этнических конфликтов стали уделять пристальное внимание.

Военное ведомство США сразу же оказалось в сложной ситуации. Генералы и офицеры, чувствовавшие себя «комфортно» в эпоху холодной войны, оказались перед непонятными угрозами и вызовами, малыми войнами, нетрадиционными задачами. Требовалось отойти от старого привычного ядерного планирования и концепций стратегического использования вооруженных сил. Нужны были новые мысли, новые подходы к планированию, иные навыки, готовность рисковать своей военной карьерой.

Сами по себе войны между этническими группами – не новы. Для обозначения этого явления, как пишет П. Отис, в США использовались разные термины: партизанская война; операции, отличные от войны; сложные чрезвычайные операции; конфликт низкой интенсивности; иррегулярная война.

По состоянию на конец 90-х годов, 18 тысяч американских военнослужащих принимали участие в 1 тысяче специальных миссий в 60 странах мира, не считая 125 тысяч американских солдат, дислоцированных в Западной Европе и Корее. Большинство из этих миссий прямо или косвенно связаны с этническими конфликтами или факторами, их сопровождающими.

Американские вооруженные силы вторгаются не во все этнические конфликты, происходящие в мире. Во главе угла вторжения стоит обеспечение национальных интересов Вашингтона. Именно поэтому вторжение во внутренний конфликт в богатых нефтью регионах мира, например, в Персидском заливе, является практически неизбежным, а вмешательство в события, происходящие в Бирме или Того, - маловероятно.

В своей работе Паулетта Отис дает свою трактовку такому понятию, как этническая группа: «На своем базовом уровне, этническая группа является группой людей с общими убеждениями и поведением. Эти убеждения и поведение проявляются как на символическом, так и на поведенческом уровнях – в языке, территории, экономике и политике». «Членство в группе, - продолжает П. Отис, - определяется в целом по рождению. «Быстрый и грубый» метод выявления, является ли данная личность членом группы, заключается в порядке эндогамии – кто на ком женится... Сами по себе этнические группы, вопреки общественному мнению, по своей сути не являются хорошими или плохими. Они просто организуют жизнь групп

людей. Когда условия жизни становятся угрожающими, члены группы реагируют тем или иным способом, чтобы обеспечить свое выживание».

В определенных условиях этнические группы внутри государства или в приграничной зоне могут прибегнуть в своих действиях к самой жесткой форме сопротивления – войне.

Этнические войны ограничены по географическому масштабу только районами проживания самих этнических групп. Боевики этнической группы могут проходить подготовку за рубежом, однако сами боевые действия все равно ограничиваются только районом распространения этнической группы.

Военным лидером этнических групп выступает харизматическая личность-военнослужащий не очень высокого ранга. Он не имеет рядом с собой профессионально подготовленные военные кадры, слишком малы доступные ему ресурсы. Обычно его считают «криминальным преступником», так как и он сам, и его соратники нечистоплотны в своих целях и поведении.

Когда в район этнического конфликта вмешивается третья сторона, то это осуществляется, как правило, с разрешения законного правительства данного государства. Вслед за военной интервенцией встает необходимость найти лидера противоположной стороны, с кем вести переговоры. Независимо от того, кто будет избран субъектом для переговоров – преступник, повстанец, военный командир или избранный политический деятель - последний автоматически получает благодаря этому выбору статус легитимности.

Вторгшиеся в этнический конфликт силы третьей стороны должны координировать свои действия с легитимным лидером данной страны, независимо от его политических взглядов и личного поведения. Глава государства осуществляет контроль над правительственными войсками и силами полиции. Ему приходится решать множество повседневных задач, в том числе и регулировать взаимоотношения с «внешними» силами – представителями ООН, правозащитными и другими негосударственными организациями, советниками и иностранными контингентами войск.

С другой стороны, официальный лидер государства, где «бушует» этнический конфликт, может быть грубой личностью, не разделяющей демократические идеалы запада. И все же войскам третьей стороны, а конкретно – американским войскам – придется иметь дело именно с ним, легитимно избранным политиком.

В то же время, предупреждает П. Отис, перед третьей стороной, вмешивающейся в этнический конфликт, стоит опасность «встать на несправедную сторону». Существует соблазн относиться к лидеру подавляющей этнической группы как к авторитарной, жестокой и репрессивной личности, а к лидеру подавляемой этнической группы как к личности, заслуживающей жалости (часто смешиваемой с презрением). Ни в коем случае нельзя идти по этому пути. Третья сторона должна не спешить с выводами и оценками, дать возможность всем лидерам оппозиционных групп и фракций в одной группе проявить свою позицию. Как пишет П. Отис,

«Дипломаты, военачальники и другие представители третьей стороны должны быть способны слушать, постигать и сдерживать личные оценки до того, как позиции каждой из фракций внутри этнической группы не будут выражены».

При оценке этнического конфликта американские специалисты выделяют две характеристики: степень жестокости и степень интенсивности. Под степенью жестокости понимается общее количество жертв конфликта, а под интенсивностью – количество жертв в определенный период времени. Естественно, что процент жертв среди подавляемой группы будет значительно выше, чем среди подавляющей (более многочисленной) этнической группы. Если степень жестокости конфликта не велика, то он может оказаться как бы в стороне мирового общественного мнения, несмотря на то, что его результатом может быть полное уничтожение малочисленной этнической группы. Вмешательство третьей стороны (включая ООН) в такой конфликт может быть реализовано только при соответствующем политико-пропагандистском обеспечении – репортажах в мировой прессе с места событий, освещения конфликта Си-Эн-Эн и т.п.

Интенсивность как характеристика этнического конфликта тоже недостаточно отражает суть событий. Процесс этнического конфликта развивается по синусоиде, переходя от пиков ожесточенной вооруженной конфронтации к периодам относительного спокойствия. Только в периоды ожесточенной борьбы мировое общественное мнение сосредоточивается на конфликте, и возникают возможности вмешательства третьей стороны.

Степень интенсивности этнического конфликта позволяет распознать сущность доминантной (подавляющей) группы. Интенсивность тем выше, чем менее дисциплинированы и профессиональны вооруженные силы. Чем ниже уровень демократии в государстве, чем слабее «работают» в нем законы и слабее порядок, тем выше интенсивность этнического конфликта, тем более жестоким становится политика геноцида в отношении подавляемой группы. Чем выше уровень интенсивности этнического конфликта, тем менее эффективны превентивные политические и дипломатические усилия по его разрешению.

По оценкам Паулетты Отис, сделанным ею на основе тщательного изучения современных этнических конфликтов, «жизненный срок» конфликта составляет 5 лет. Первые два года конфликта являются его эскалацией, третий год – пик вооруженной борьбы, четвертый год – истощение. На пятом году конфликта стороны находятся в состоянии «мучительного тупика», пребывая в готовности заключить мир практически на любых условиях.

Автор объясняет пятилетний срок развития конфликта ограниченной способностью этнических групп поддерживать свою экономическую, политическую и социальную жизнеспособность. Если группа, например, не может обеспечить функционирование школ для детей, то «плата» за это через пять лет и в будущем будет высокой. Если этническая группа теряет большой

процент женщин детородного возраста, то это грозит негативными демографическими последствиями.

Этнические конфликты отличаются от любых других форм войн и конфликтов масштабом вовлеченности в него местного населения. Даже в гражданских войнах участниками являются представители только некоторых групп и страт населения. В этнических конфликтах в той или иной форме участвует все население этнической группы: взрослые и дети, женщины и старики, предприниматели и бандиты, художники и священники. Те лица из состава этнической группы, которые отказываются принимать участие в конфликте или кого не допускают к нему ввиду «неблагонадежности», вынуждены покинуть страну.

По оценкам специалистов, до 70% жертв этнических войн составляют женщины и дети. Большие жертвы среди женщин и детей могут быть намеренно инспирированы доминантной группой в качестве «наказания» по отношению к мужскому населению этнической группы, которое воюет против правительственных войск с оружием в руках. В отличие от «традиционных» войн, в которых женщины и дети являются «невинными свидетелями», в этнических конфликтах именно они являются центральными фигурами, такими же по значимости, как и вооруженные мужчины этнической группы. Их уничтожение или, по крайней мере, вынуждение к бегству как раз и составляет цель политики доминантной группы, если последняя не смогла достичь своих целей репрессиями и вооруженным путем.

В отличие от малочисленной подавляемой группы, со стороны населения доминантной этнической группы, как правило, не требуется высокая степень участия в конфликте. В борьбе против подавляемой группы используется только часть ресурсов (людских, политико-экономических, военно-силовых и технических) доминантной группы.

Американские военнослужащие, выполняющие роль третьей стороны в этническом конфликте, должны быть максимально внимательны к насущным потребностям и просьбам местного населения, независимо от его принадлежности к той или иной этнической группе. Как считают американские авторы, большое значение для стабилизации этнической обстановки в районе конфликта могут иметь добрые отношения американских солдат с местными жителями, особенно с детьми. Улыбка, конфета, футбольный мяч могут растопить лед детского недоверия к иностранным солдатам. Придя домой, дети поделятся своими эмоциями с матерями – только так, шаг за шагом, можно установить и укрепить моральный авторитет третьей стороны.

Роль третьей стороны-посредника в бушующем этническом конфликте крайне сложна и противоречива. Паулетта Отис считает: «Предположение, будто вторгшаяся третья сторона может быть нейтральной и беспристрастной, честным посредником, является наивным и вводящим в заблуждение. Оно отражает полнейшее непонимание природы этнического конфликта. Как совершенно правильно отмечается многими

исследователями, когда вторгается третья сторона, неизбежно изменяется баланс сил. Более могущественные актеры превалируют (приобретают преимущества), даже если третьей стороне абсолютно безразлично, кто побеждает в конфликте или кто был изначально ответственен за его возникновение».

Чтобы быть уверенными в том, что «Запад стоит на правой стороне», как пишет автор, необходимо быть в курсе всех местных событий, понимать происходящие процессы и стремиться к стабилизации обстановки. Нельзя забывать, что в этническом конфликте обе стороны – и доминирующая и подавляемая этнические группы – будут стремиться всеми силами к завоеванию на свою сторону третьей – внешней – стороны, а также мирового общественного мнения. С другой стороны, все стороны в этническом конфликте отчетливо понимают, что третья сторона так или иначе когда-нибудь уйдет, оставив их один на один с их собственными проблемами. Поэтому глубокой искренней дружбы и симпатии к войскам третьей стороны вряд ли стоит ожидать от любой из конфликтующих этнических групп.

В заключение своей статьи Паулетта Отис пишет: «Этнический конфликт является еще одной формой войны. Он должен изучаться, анализироваться и рассматриваться в качестве самостоятельной категории войны. Соединенные Штаты и их вооруженные силы будут втянуты в такие войны намеренно или случайно. Поэтому те, на ком лежит ответственность принимать решения в этой сфере, должны обращать самое пристальное внимание на сущность этнического конфликта и определять, как наиболее эффективно использовать две опоры – дипломатию и силу – в целях поддержания мира и справедливости».

В поисках сущности войны

«Изменилась ли сущность войны? Сортируя яблоки от апельсинов» - под таким заголовком в июле 2002 года Институт наземной войны Ассоциации армии США опубликовал теоретическую статью Джеймса Дубика, в которой автор изложил свой взгляд на сущность войны как таковой¹⁸. Командир 25-й пехотной дивизии армии США генерал-майор Дж. Дубик в своей работе утверждает, что природа (сущность) войны никоим образом не изменяется, меняются лишь формы и способы ее ведения. Развитие технологии, безусловно, оказывает серьезное влияние на военную сферу, приводя к революции в военном деле. Войны разных эпох не похожи друг на друга по масштабам, применяемым средствам поражения и защиты, способам и формам ведения боевых действий. Автор приводит высказывание Клаузевица о том, что война напоминает «хамелеона, который просто приспосабливается к каждому конкретному случаю».

В то же время, как считает Дж. Дубик, «хамелеон одновременно является двуликим Янусом». Одно лицо войны обуславливает изменчивость

---

¹⁸ James M. Dubik. Has Warfare Changed? Sorting Apples from oranges// Landpower Essay. July 2002. # 02-3.

и способность приспосабливаться, другое – постоянство, которое и составляет в совокупности природу войны.

В последние годы в военной литературе появилось много материалов, в которых утверждается о том, что информационная эпоха и информационные технологии как таковые окончательно и навсегда изменили природу войны. «Такие утверждения, - по словам генерала Дж. Дубика, - являются ложными. Такие утверждения являются также опасными, особенно для военных и гражданских стратегов». В своей статье автор сформулировал десять тезисов, в которых, по его мнению, заключено постоянство природы (сущности) войны.

Во-первых, причины войн лежат в человеческих сердцах.

«Ненависть, зависть, страх, высокомерие, жадность, власть, страсть, любовь, «бог», амбиции, месть, справедливость и масса других качеств и чувств – позитивных и негативных – лежат в основе человеческой сущности и являются причинами войны», – пишет Дж. Дубик. В ряду причин войн и конфликтов автор не отрицает важности «традиционных причин» - как то неравномерности распределения богатства, борьбу за ресурсы, перенаселение, упадок государственной власти и др. И все же, по его мнению, все иные причины так или иначе сводятся к чувствам, к сердцам людей.

Во-вторых, война является сферой разума и эмоций.

История свидетельствует, что все стороны войны от ее планирования до ведения и окончания пронизаны сочетанием факторов рациональных и эмоциональных. Дж. Дубик пишет: «Чтобы вести войну необходимо иметь разум, но этого недостаточно». Моральный дух нации, армии нередко выступают решающими факторами войны, достижения военного успеха и окончательной победы. Без того, чтобы не затронуть «струны эмоций», нельзя ожидать успеха в войне. Заставить человека сознательно пойти на самопожертвование, на гибель – очень непросто. Для этого нужно найти или создать очень мощные эмоциональные доводы и причины. Теракт 11 сентября 2001 года против США в полной мере показал важность эмоционального компонента нации. Какая бы ни была будущая война, она никогда не будет чисто «инженерной проблемой». В войне всегда будет очень важную роль играть «ненаучный» компонент – моральный дух нации, эмоциональный настрой солдат. По мнению Дж. Дубика, идея Наполеона о соотношении морального и физического факторов как 3 к 1, по-прежнему правомерна.

В-третьих, война является столкновением воли.

Безусловно, война ведется с использованием различных средств поражения, даже если эти средства являются несмертельными. Однако, как отмечает Дж. Дубик, грубая физическая сила, несмотря на свою значимость, не является решающей. «Более сильная воля, - утверждает американский генерал, - значит много больше, чем физическая сила». Примером того, что воля важнее силы является война во Вьетнаме: более слабая

северовьетнамская сторона в конечном счете победила мощную американскую армию.

В-четвертых, война по самой своей природе неопределенна.

Противник на войне прибегает к любым возможным способам и ухищрениям, чтобы скрыть свое истинное местонахождение, состав сил и средств, свои планы и намерения. Невозможно точно предсказать развитие обстановки на войне, можно только с большей или меньшей долей правдоподобности гадать о будущем. Дж. Дубик отмечает: «Туман войны можно сделать слабее благодаря интегрированным информационным технологиям, однако от него никогда нельзя избавиться полностью. Туман является обычным состоянием войны, изменяясь только в количественном отношении».

В-пятых, война предполагает использование силы или угрозу силой.

Вступление в войну означает попытку заставить противную сторону предпринять что-либо такое, чего она не хочет предпринимать. Иногда, хотя и очень редко, этой цели можно достичь и без использования силы. Однако рано или поздно та или иная сторона все таки прибегает к силе.

В-шестых, война развивается, она не повторяется.

Генерал Дж. Дубик в своем анализе образно сравнивает войну с танцем, в котором каждая из двух сторон стремится «вести» своего партнера. Применительно к войне это предполагает выявление слабых мест противника и использование этих слабых мест в своих целях. «Война никогда не отбрасывает тактику или оружие, которые себя хорошо зарекомендовали, - пишет автор. - Война очень терпелива; она ждет другой удобной возможности, чтобы использовать то, что эффективно «работало» в прошлом».

В-седьмых, война есть продолжение политики.

Американский генерал утверждает, что, в его понимании, под политикой подразумевается взаимоотношения внутри человеческих общностей в широком смысле, причем не всегда и не обязательно это могут быть взаимоотношения между государствами. Вместе с тем, война должна всегда идти рука об руку с дипломатией. «В войне, - пишет Дж. Дубик, - военные действия и дипломатия тесно взаимосвязаны. Одно без другого – безумие. Военные действия вне контекста дипломатии приближаются к убийству. Дипломатия, лишенная способности и воли к ведению военных действий, более походит на пустые слова против ветра».

В-восьмых, война имеет свою логику.

Логика войны укладывается в цикл: действие – реакция – противодействие. Одна сторона предпринимает какие-либо действия, вторая – реагирует (отвечает) на них, и тогда первая сторона предпринимает свои контрмеры. Если первая сторона достаточно умна, считает Дж. Дубик, она своими действиями может предотвратить контрмеры противника. Если же она очень умна, то своими превентивными мерами может воспретить принятие противником любых ответных мер противодействия. И все же логика войны никак не линейная, она парадоксальная. Одни и те же действия

не всегда приводят к аналогичным результатам. Они могут в разных ситуациях породить совершенно противоположные ответные меры. Это сочетание – парадоксальной логики и цикличности – лишний раз подтверждает, что война – это не «инженерная проблема», а сложная сфера рационального и эмоционального.

В-девярых, война «укрывается в уголках коллективной памяти».

Как считает генерал Дж. Дубик, чем дальше нация уходит в своем развитии от последней войны, тем больше она забывает обо всех ее ужасах и трагедиях. Всеобщими становятся убеждения типа: «Такое больше никогда не повторится». Люди верят в то, что «эта (новая) война будет не такой, как прошлая».

В-десярых, война имеет две основные формы – война на истощение и решительная война.

Чтобы заставить противника принять ваши условия перемирия, можно пойти по пути ведения войны на истощение. Для достижения этого, необходимо иметь ресурсы в большем количестве, чем противник, а также обладать волей использовать эти ресурсы до тех пор, пока противник не выдохнется. В противном случае, как пишет Дж. Дубик, противник окажется победителем. Если противник далек от того, чтобы анализировать обстановку в координатах цена/выгода, то не стоит вести с ним войну на истощение. Тот же, кто стремится не к переговорам, а к окончанию войны на своих собственных условиях, ведет решительную войну. В этом случае главным является не дать противнику права выбора, не дать ему никакого иного выхода, кроме поражения.

Все десять выше перечисленных принципов и аспектов, как подчеркивает сам генерал Дж. Дубик, вовсе не отражают полностью сущности войны. Однако их вполне достаточно, чтобы показать изменчивый характер форм и способов ведения войны и стабильный характер ее природы. Какой бы «чистой» и бескровной ни была война по своей форме, истинная природа, сущность войны, в конечном счете, дает о себе знать.

Война: стереотипы новые и старые

Летом 2003 года известный американский специалист в области военной истории профессор Лоренс Фридман опубликовал в журнале «Foreign Policy» статью, в которой изложил свои взгляды на традиционные и новые стереотипные представления о войне. В целом, по мнению автора, давно устоявшиеся теоретические подходы к понятию войны во многом остаются актуальными.

Сегодня не потеряла своей значимости главная формула прусского военного теоретика Карла фон Клаузевица: «Война - это достижение политических целей военными методами».

Прошло 170 лет, изменилась суть войны. В свое время Клаузевиц описывал ситуацию, связанную с конфликтами великих держав, которые боролись за контроль над ресурсами, и их армии воевали друг с другом. Ныне единственной сверхдержавой остались США, а вероятность того, что

великие державы вступят в войну друг с другом, ничтожно мала. Современный мир характеризуется экономической взаимозависимостью, поэтому старые цели завоевания и удержания под контролем каких-либо территорий утратили смысл. Наиболее распространенным видом военного конфликта в нашу эпоху является гражданская война, однако ее суть полностью укладывается в формулу Клаузевица.

В нынешнюю эпоху, как отмечает Л. Фридман, «войны больше официально не объявляются». В прошлую эпоху, для которой были более характерны межгосударственные конфликты, правительства официально и формально декларировали объявление войны. Это было необходимо по многим причинам, в том числе, чтобы установить правила игры (то есть, определить, какие союзники принимают участие в боевых действиях), чтобы перевести экономику и жизнь общества на военный лад. Кроме того, объявление войны имело важное юридическое значение: оно помогало бороться с внутренней оппозицией, оно позволяло определить статус солдат враждующих армий и т. д.

После второй мировой войны формальные декларации войны стали крайней редкостью. На то было несколько причин, среди которых Фридман выделяет появление современных профессиональных армий и оружия массового поражения.

С ростом опасности терроризма объявление войны стало практическим и юридическим нонсенсом. С одной стороны, террористы вовсе не склонны официально объявлять войну государству. С другой стороны, государство, с точки зрения юридических процедур, не может объявить официальную войну подпольной организации, особенно находящейся за пределами границ данного государства. Именно поэтому, по словам Л. Фридмана, были изобретены формулировки типа «применение силы», «превентивный удар», «ограниченная военная операция» и т.д. Последствием этого стало, например, то, что талибы и члены террористической организации Аль-Кайеда, захваченные в Афганистане американскими войсками, официально не считаются военнопленными и юридически не защищены Женевскими конвенциями.

«Демократии не воюют друг с другом», - этот тезис широко распространен и считается универсальным.

Вместе с тем, по мнению Л. Фридмана, он «чрезмерно упрощает невероятно сложную ситуацию». Демократические государства не воевали друг с другом лишь во второй половине XX века. На самом деле государства, считавшиеся демократическими в XIX веке, неоднократно воевали друг с другом и захватывали колонии. Государства мира практически не вели войн в защиту демократии. Как считает Фридман, исключением может считаться только война 1898 года между США и Испанией, когда США обосновали необходимость ее начала желанием помочь Кубе и Филиппинам освободиться от колониальной зависимости. Однако в результате, Филиппины на несколько десятилетий сами превратились в колонию «освободивших» их Соединенных Штатов.

Американский профессор считает, что «войны за идеологию крайне редки». В свое время социалистические страны также не начинали военных действий с целью обеспечить торжество коммунизма. В СССР называли Великую Отечественную войну с нацистской Германией прежде всего войной за Родину, и лишь в наименьшей степени - войной за дело коммунизма. Коммунистический Китай начал войну с коммунистическим Вьетнамом в 1979 году также не под лозунгом борьбы за дело коммунизма.

Другой устоявшийся тезис современности – это «война с терроризмом».

По своей сути, война с терроризмом не является войной в полном понимании этого термина. Однако случай с «Аль-Кайедой», по мнению профессора Фридмана, - это уникальный случай. Действия этой террористической организации нанесли США огромный ущерб, сравнимый с ущербом, который мог бы быть нанесен США в случае ведения военных действий с каким-либо государством. В ответ, США развернули крупномасштабные боевые действия, стремясь уничтожить базы и опорные пункты этой террористической организации на территории Афганистана. Военные операции различного масштаба против террористов периодически проводят и другие страны мира. Однако главные победы в войне с терроризмом одерживают не солдаты, а спецслужбы и полицейские.

Новым стереотипом о войне стало мнение, что «современная война приводит к меньшему числу жертв».

По мнению профессора Л. Фридмана, это представление в целом неправильное. Государства Запада, озабоченные судьбой своих солдат, стремятся уменьшить свои потенциальные потери и поэтому уделяет особое внимание средствам защиты и разрабатывают новые, высокотехнологичные виды оружия. Потери «цивилизованных» армий в современных войнах измеряются десятками и сотнями, очень редко тысячами убитых солдат. Это, пишет Фридман, «невероятно мало, по сравнению с войнами прошлого». Однако по подобным сценариям проходят далеко не все военные конфликты. Войны и вооруженные конфликты в Африке и Азии приводят к миллионам жертв, и прежде всего среди мирного населения.

Так, в 1993 году США вывели свои войска из Сомали после того, как потеряли 18 человек убитыми (потери сомалийцев составили около 1 тыс. человек). После этого трагического инцидента США отказались направить свои миротворческие силы в Руанду. В результате невмешательства в руандийский конфликт со стороны мирового сообщества, там погибло 800 тысяч человек.

Самым распространенным стереотипом в современных Соединенных Штатах является вера в то, что «США могут выиграть войну в любое время и в любом месте».

Как и большинство серьезных военных специалистов, профессор Л. Фридман считает этот тезис неправильным и опасным. Вооруженные силы США обладают в настоящее время беспрецедентным военным и технологическим превосходством, однако это еще не означает, что они способны выиграть любую войну. Быстрые победы в Ираке, по мнению Л.

Фридмана, ничего не означают - история неоднократно доказывала, что разбить армию противника значительно проще, чем удержать захваченную территорию. Послевоенное развитие событий в Ираке, сопровождающееся почти ежедневной гибелью американских солдат, как раз и свидетельствует об этом. История в который раз преподает урок, что военный успех, военная победа вовсе не равнозначны политической победе. Вооруженные силы могут обеспечить достижение военного успеха, но политическую стабильность в завоеванном (освобожденном, занятом, оккупированном) регионе или государстве они обеспечить не способны.